

Экономическое наследие отцов-основателей евразийства

В сегодняшних дебатах о повороте России на Восток и приоритетах ее внешнеэкономической политики важно помнить о русской экономической мысли прошлого века, актуальность и достоинство которой еще предстоит раскрыть и изучить. В этом отношении важный вклад в обсуждение проблематики трансконтинентальных альянсов и экономического взаимодействия между Европой и Азией внесла возникшая почти век назад *теория евразийства*, согласно которой в основе развития России должно лежать то, что отличает ее от других стран, а именно — география, история, культурные и экономические особенности. Добиться успехов в области экономики Россия может за счет своего географического положения между Европой и Азией — по мере нарастания экономического взаимодействия между этими двумя центрами глобальной экономики.

Однако не в одном только призыве к повороту России на Восток заключается экономическое наследие евразийцев. Оно намного более многогранно и включает в себя важные и для сегодняшнего дня суждения о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях экономического развития и возможности их использования, о планировании в процессе модернизации экономики. Особое место в экономическом наследии евразийцев занимает геоэкономика и обсуждение контуров евразийской и мировой экономической интеграции. Многие аспекты сегодняшнего геоэкономического мира, в том числе необходимость создания эффективных транспортных коридоров на евразийском пространстве, которые могли бы быть конку-

рентоспособны по сравнению с океаническими маршрутами, были предвосхищены и изучены отцами-основателями евразийства.

«Особые миры» Николая Трубецкого

Экономические позиции одного из основоположников евразийства — Николая Трубецкого, отражены в работе «Мысли об автаркии», в которой выдвигаются чрезвычайно актуальные сегодня тезисы о геоэкономическом устройстве мировой экономики. Автор вводит понятие «особого мира», которое можно рассматривать как аналог современного регионализма и мегарегионализма в мировой экономике. При этом постулируется приоритет регионализма по отношению к национальным государствам в выстраивании целостной/завершенной экономической системы. Вместо экономической системы национальных государств Трубецкой пишет о системе «особых миров»/регионов как основных элементов системы мирового хозяйства: «До сих пор доказывали выгодность автаркического хозяйства для данного государства. Между тем, по моему мнению, речь должна идти о преимуществах системы автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства»¹.

Трубецкой во многом предвосхищает двойственность региональных интеграционных группировок, отмечая, с одной стороны, элемент относительной закрытости этих образований по отношению к третьим странам, а с другой — необходимость открытости экономики для составляющих «особый мир» государств. «В пределах государства, не представляющего собой отдельного мира, автаркическое хозяйство (точнее, попытка ввести таковое) невыгодно и вредно не только экономически, но и политически, притом не только для самого государства, но и для его соседей»².

Почти сто лет назад, задолго до работ Манделла о теории оптимальных валютных зон, Трубецкой отмечает важность равновесности и стабильности региональных интеграционных группировок на основе фундаменталь-

ных факторов экономики, истории и культуры. «Основной плюс автаркии — ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, возможна лишь при том условии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не только экономикой, но и историей (общностью судьбы), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием...»³. Помимо вышеуказанных положений Трубецкой также говорит о важности фактора взаимодополняемости во взаимодействии регионов и интеграционных группировок, что опять же созвучно современным представлениям об эффективности взаимодействия и целесообразности интеграции между отдельными региональными экономическими системами.

Другими словами, составные части «особого мира» для сохранения равновесности не должны характеризоваться высокими уровнями неравенства и разрывов в развитии, что отличает как современное мировое хозяйство, так и мировую экономику времен первых евразийцев. В то же время в своей работе Трубецкой ратует за многополярный/многотипный мир «особых миров»: «современная форма организации мирового хозяйства предполагает единый тип цивилизации [конец истории и конвергенция моделей развития в условиях глобализации. — *Я.Л.*], но весьма различные жизненные стандарты (социальное неравенство). Система автаркических миров, наоборот, будет многотипна в отношении цивилизаций и в то же время одностандартна в пределах каждого автаркического мира»⁴.

Фактически картина мира Трубецкого — это дивергенция различных экономических моделей, сосуществование региональных и мегарегиональных систем, так называемых «особых миров». В этом плане экономическая обособленность или автаркия рассматривается евразийцами как способ достижения большей самостоятельности в определении оптимального пути экономического развития, который соотнобразуется с приоритетами «особого мира»: «автаркия экономически и политически выгоднее и дает больше гарантий для счастья человечества, чем система мирового

хозяйства в общем котле»⁵. Евразийская картина мирового хозяйства и внешнеэкономическая политика трактуются с позиций регионализма или «особых миров» Трубецкого — отсюда двойственная позиция по отношению к автаркии и процессу глобализации в «общем котле»: открытость отдельных стран и регионов для формирования своего «особого мира» и в то же время относительная закрытость «особых миров» во взаимодействии друг с другом.

Петр Савицкий: континентальная интеграция и транспортные коридоры

Основоположник экономического учения евразийства Петр Савицкий в своих работах также отмечал неоднозначность фактора открытости экономики континентальных стран, отмечая как опасности изолированности экономики в рамках отсталых экономических укладов, так и возможную маргинализацию в условиях низкой конкурентоспособности при открытии экономики «мировому океану»: «Для стран, выделяющихся среди областей мира своей “континентальностью”, перспектива быть “задворками мирового хозяйства” становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... При изолированности от мира — экономическая примитивность, связанная со строем “натурального хозяйства”... При вступлении в “мировое хозяйство” — неизбывная власть хозяйственно-географической “обездоленности”...»⁶.

В качестве основных групп стран на мировой арене конкурируют океанические и континентальные: «Можно сказать, что в качестве господствующих принципов сферы международного и междуобластного обмена “океаническому” принципу не зависящего от расстояний сочетания хозяйственно-взаимодополняющих стран противостоит принцип использования континентальных соседств...». При этом конкуренция во взаимодействии между океаническими и континентальными странами и регионами

может сопровождаться потерей торговых и инвестиционных потоков для менее конкурентоспособных в пользу более успешных. В этом Савицкий предвосхитил процессы отклонения торговых потоков и потери Россией рынков целых регионов в 90-х годах: «Для всего “океанического” мира есть полный расчет, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности, тем самым в распоряжение стран “океанического” круга поступят дополнительные продукты, возникнут дополнительные рынки для сбыта их собственных»⁷.

Для евразийцев в оценке относительной конкурентоспособности океанических и континентальных стран ключевую роль играет понятие расстояния и транспортных издержек. И в этом отношении Савицкий отмечает более выгодное положение океанических стран в продвижении своей продукции на мировые рынки: «Из разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок вытекает следующий вывод: те страны и области, которые по своему положению могут пользоваться преимущественно морским транспортом, в гораздо меньшей степени зависят, в процессах международного и междуобластного обмена, от расстояния, чем страны, обращенные в своей хозяйственной жизни преимущественно к перевозкам континентальным»⁸.

Пророческими являются слова Савицкого относительно больших возможностей океанических стран по сравнению с континентальными в ходе создания своих интеграционных группировок (сегодня об этом свидетельствуют процессы, связанные с транстихоокеанским и трансатлантическим партнерствами): «Океан един. Континент раздроблен. И потому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство “океаническое”, и в рамки океанического обмена неизбежно поставляется каждая страна и каждая область мирового хозяйства»⁹.

При анализе фактора расстояния Савицкий очень близко подходит к концепции «гравитационной модели», которая определяет торговое взаимодействие между странами на основе расстояния (обратно пропорционально),

размера ВВП (прямо пропорционально) и таких факторов, как общность границ, культуры, языка и истории: «Чтобы войти в общий строй мирового обмена, этим [континентальным. — Я. Л.] странам нужно потратить некоторое дополнительное усилие — как на то, чтобы доставить к берегу свои продукты, так и для того, чтобы транспортировать внутрь континента товары, получаемые ими с мирового рынка»¹⁰. Помимо этого Савицкий говорит о факторах «внутриконтинентного притяжения» торговых потоков, которые определяются протяженностью/размерами экономического пространства, а также взаимодополняемостью структуры торговли.

Для иллюстрации разницы в транспортных издержках в доставке своей продукции на мировые рынки Савицкий проводит сопоставление Англии и глубинных регионов Центральной Азии (Семиречья): «Масштабы отстояния Семиречья от побережий — неслыханные в остальном мире — определяют, при вступлении Семиречья в строй мирового обмена, некоторую особую его “обездоленность”. За свои товары оно будет получать дешевле, чем все остальные области мира; потребные ему ввозные продукты обойдутся ему дороже, чем всем другим... Двойная обездоленность, и как производителя, и как потребителя, не может — *ceteris paribus* — не сделать из Семиречья как бы “задворков мирового хозяйства”...»¹¹.

Напутствия отцов-основателей

В чем же выход для континентальных стран в нейтрализации более высоких издержек по сравнению с океаническими регионами? Прежде всего, отмечает Савицкий, упрощенная имитация стратегий океанических держав не может быть полноценным выходом для континентальных стран: «Не в обезьяньем копировании “океанической” политики других, во многом к России неприложимой, но в осознании “континентальное” и в приспособлении к ней — экономическое будущее России»¹².

Выход, с точки зрения Савицкого, в создании на континентальных пространствах комплекса взаимодополняю-

щих экономических систем, которые насыщают континентальное пространство взаимными торговыми потоками: «Но не открывается ли пред “континентальными” областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия “континентальное”? Путь такого устранения — в расторжении, в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического мирового хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью»¹³. В определенной степени такого рода видение согласуется как с объединением континентальных региональных группировок в евразийский мега-альянс, так и с созданием цепочек отраслевых альянсов и региональных цепочек добавленной стоимости, которые укрепляют конкурентоспособность Евразии по отношению к «мировому океану».

При этом важно отметить, что евразийцы не выступали против интеграции России в мировую экономику, но призывали проводить данный процесс с учетом российской экономической специфики и понимания ограниченности возможностей в использовании «океанических принципов»: «В определенной степени, море, как связь с “мировым рынком”, нужно и останется нужным России; но необходимо понять ту существенно ограниченную роль, которая выпадает на долю “океанического”, “морского” принципа в построении хозяйства Российского...»¹⁴.

С позиций сегодняшнего дня наследие евразийцев в области изучения мировой экономики — это, прежде всего, напутствия для евразийской континентальной интеграции в сложной конкуренции с океаническим проектом за счет создания сети транспортных коридоров, соединяющих Азию и Европу. Такого рода видение сегодня во многом реализуется за счет создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и сопряжения с ним Евразийского Экономического Союза (ЕврАзЭС) и других евразийских континентальных проектов. Но, быть может, самое важное

и актуальное наследие евразийцев — это тезис о необходимости разнообразия и дивергенции экономических моделей в мировом хозяйстве.

Такого рода видение служит противовесом доводам о необходимости конвергенции мира к одной модели, «о конце истории» и о «венчании здания» мировой финансовой архитектуры очередной версией «вашингтонского консенсуса». В этом отношении евразийская интеграция, базирующаяся на собственных императивах развития, определенных ранними евразийцами, становится своего рода вкладом Евразии в процесс дивергенции развития мирового хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубецкой Н.С. Мысли об автаркии // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 516.

² Там же.

³ Там же. С. 517.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 516.

⁶ Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // <http://knigosite.org/library/read/88374>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.